

О ВОЙНЕ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ РАССКАЗЫВАЕТ МОРСКОЙ ПЕХОТИНЕЦ МИЛТОН «ПАННИ» ДЭМБАКЕР (MILTON “PUNNY” DAMBACHER)

Я родился в тюрьме города Сонора (Sonora, штат Калифорния). Нет, моя мать не была в заключении. Мой отец, Джек Дэмбакер, ветеран ПМВ, потерявший на фронте ногу, был шерифом округа, а в то время шериф и его семья должны были жить на территории [окружной] тюрьмы. Шел 1923 год, поэтому и среднюю школу Соноры я закончил в 1941 г. В то время, кажется, была тенденция к тому, что молодежь шла в колледжи, а не в университеты, поэтому я поступил в *Modesto Junior College*, получив спортивную стипендию, как футболист (*football scholarship*). Я в тот год попал в составленную по опросам репортеров сборную нашей лиги (*made all-league team*) на позиции нападающего и защитника – единственный новичок, которому это удалось. Когда оставалось сыграть одну игру в том сезоне, случилась бомбардировка Перл-Харбора. Почти все игроки нашей команды объявили о готовности пойти в армию, и я сделал то же самое. Это стало концом моей футбольной карьеры.

В 1941 г. морская пехота была небольшой частью военно-морского флота и единственной категорией войск, которую готовили к морским десантам. Многих призвали в армию, но я хотел попасть в морскую пехоту. Хорошей стороной поступления в морскую пехоту было то, что туда еще нужно было пробиться. Это была элита вооруженных сил. Боевая подготовка в морской пехоте была чертовски близка по уровню к тому, как теперь обучают боевых пловцов (Seals). Если ты попал в морскую пехоту, твоя солдатская профессия не имеет значения, - ты все равно проходишь физическую подготовку в полном объеме.

Меня сразу зачислили в призывные списки, но, думаю, давно уже шел 1942-й, кажется, сентябрь, когда я был отправлен в лагерь базовой подготовки в Сан Диего. Я попал в *5-й Десантный Корпус Морской Пехоты (5th Marine Amphibious Corps)* – часть, которой предстояло провести следующие три года на Тихом Океане, принимая участие во многих крупнейших десантных операциях. К моменту капитуляции Японии высадки на Тараве (Tarawa), Кваджалейне (Kwajalein), Эниветоке (Eniwetok), Сайпане (Saipan), Тиниане (Tinian) и Иводзиме (Iwo Jima) стоили 5-му Корпусу больших потерь, и, думаю, из первоначального состава, нас осталось только семеро.

Киска (Kiska) и Атту (Attu), август 1943 г.

На ранней стадии военных действий японцы удерживали Алеутские острова, и морскую пехоту отправили туда, чтобы изгнать их. Операция на Киске в августе 1943 г. была моим первым десантом в составе морской пехоты. Нас всегда учили делать все, чтобы захватить господствующие высоты, и, когда мы медленно продвигались к ним, над нашими головами проносилось множество пуль. Хотя в поле зрения японцев не было, предполагалось, что они где-то здесь. Каким-то образом я ощущал их присутствие. Мы продвигались вперед, как нас учили – медленно, но безостановочно. В итоге, мы заняли высоты и пляжи. Потом мы обнаружили, что японцы уже оставили Киску, возможно, всего за день до нашей высадки, и стреляли над нашими головами наши же. Остров Атту был захвачен тремя месяцами раньше, и нашу часть перебросили с Киски на Атту.

Тарава, ноябрь 1943 г.

В конце 1943 г. морскую пехоту направили на захват острова Тарава. Это стало первым боевым опытом для меня. Флот не имел каких-либо разведанных о ситуации на острове. Фактически, было мало данных о большинстве удерживаемых японцами островов. Видите ли, японцы проникли туда задолго до войны – это были подмандатные японские владения, простиравшиеся от центральной части Тихого океана до Марианских островов. В те года кроме них, там никто не бывал, и японцы хорошо их укрепили. Я думаю, предоставление им подмандатных территорий было шагом, нацеленным на их умиротворение. Это был их земля, и мы ничего о ней не знали...

Теперь вот, что я вам скажу. Большинство морпехов считали, что Амелия Эрхарт (*Amelia Earhart – 1897-1937 - известная американская писательница и пионер авиации, пропала без вести в полете над центральной частью тихого Океана*) и ее штурман Нунан (Noonan) собирали информацию об этих островах, когда предприняли попытку совершить полет вокруг света. Мы, вроде как, верили, что их спонсировал военно-морской флот, заинтересованный в данных по этим островам. Предполагалось, что их самолет упал в океан где-то в районе островов Кваджалейн или Эниветок, и нам сказали, чтобы мы смотрели в оба в поисках доказательств этого. Так или иначе, мы были в этом районе, готовясь к десанту на Тараву, при этом не имея хороших карт и не зная, что ожидать.

Панни Дэмбакер сразу же после окончания курса базовой подготовки. 1942 г.

Мы высаживались на катерах *Higgins* в первой волне десанта, возможно, человек по 15 в каждом из них. Мы уже приближались к острову, когда плотно застряли на коралловом рифе. Никто до этого и понятия не имел, что там находится риф. Так мы засели на мелководье под огнем противника, теряя людей. Помню трупы, качающиеся на волнах... К

нам подошли *Amtracks* (оснащенные гусеницами десантные суда), которые должны были следовать за нами, как вторая волна десанта. Те из нас, кто остался цел, перебрался на них, чтобы продолжить начатое. Однако огонь противника был таким плотным, что все, что нам оставалось в тот день, было сидение за трех-четырёхфутовым волноприбойным уступом. Неподалеку от нас в один из десантных катеров угодил снаряд, и Ронни Кимболл (Ronnie Kimball), парень, которого я знал со времени, проведенного на гражданке, был убит. Он встречался с сестрой моей жены. Ронни обещали золотые горы, стараясь заманить его в морскую пехоту, но он так и не получил всего обещанного. Он хотел чего-то особенного, но, попав в лагерь базовой подготовки, прошел через все это вместе с нами. Во время высадки, когда нас прижал к земле огонь японцев, я видел его тело – он повис на волноприбойном уступе, наполовину высунувшись из воды. Мы просидели в воде под этим уступом весь первый день, иногда просто среди трупов. Там, где оказался я, в живых оставалось только человек двадцать пять.

Тактикой японцев на протяжении всех военных лет были ночные контратаки. Когда наступила темнота, мы все еще сидели за уступом. Я увидел тени людей, пересекавших берег в направлении уступа и сообразил, что это были японцы. Мы пересидели эту ночь среди трупов. Рано утром следующего дня я уже знал, что напротив нас находятся японцы, но по нам вели огонь и со стороны пляжа, поэтому можно было заключить, что кто-то из них спустился с уступа и зашел к нам в тыл.

Морпехи за единственным укрытием от огня - волноприбойным уступом. Тарава, 1943
<http://www.ww2incolor.com/us-marines/USMC-C-Tarawa-p29b.html>

Трупов было столько, что мы боялись пошевелиться, и, должно быть, японцы решили, что полностью уничтожили первую волну. Если бы они знали, как мало нас оставалось в живых в первую ночь, они могли бы просто забросать пространство за уступом гранатами и перебить нас. Это сильно затруднило бы нашу атаку, которая случилась на следующий день. На второй день корабли и самолеты снова начали обстрел и бомбардировку острова. Бомбы падали иногда меньше чем в сотне футов от уступа. На берег высадилась новая волна морпехов, и теперь у нас было достаточно сил, чтобы наступать. На Тарава я понял, насколько кровавой будет эта война.

Вместе с товарищами

Бои за острова Kwajalein (Кваджалейн) и Эниветок (Eniwetok) – январь-февраль 1944)

Когда мы добрались до Кваджалейна и Эниветока в начале 1944 г., мы уже знали о десантных операциях гораздо больше, чем раньше, и, кроме того, сумели собрать кое-какие разведданные. В отличие от Таравы, где для высадки подходил только один участок побережья, на котором японцы хорошо подготовились к обороне, на Кваджалейне было много удобных участков для десантирования, далеко не так хорошо укрепленных. День клонился к вечеру, когда здесь высадилась наша первая волна. Японцы к тому времени стали менять свою тактику. Обычно они давали первой волне высадиться и продвинуться, а потом шли в атаку, нанося удар по второй волне. Но мы не увидели здесь такого сопротивления, которого ожидали. И, опять же, наша огневая мощь делала свое дело.

Здесь мы начали использовать напалм. Заливаешь им какой-нибудь бункер, и никто уже оттуда не отвечает выстрелами. Важную роль сыграло то, что мы продолжали вводить в строй все больше боевых кораблей и самолетов, и огневая подготовка высадки здесь была раза в два мощнее, чем на Тараве. Продвинуться вперед можно только за счет подавления того, что задерживает тебя. Это – единственный путь к тому, чтобы продвинуться мимо японского ДОТа. Неважно то, насколько хорош этот бункер, 16-тидюймовый снаряд все равно разнесет его...

Морпехи со всеми предосторожностями инспектируют японский бункер. Кваджалейн, 1944

https://www.triposo.com/loc/Kwajalein_Atoll/history/background

Сразу после Кваджалейна и Эниветока мое подразделение проводило рекогносцировку небольшого острова под названием Маджуро (Majuro), про который один пленный рассказал, что на нем есть местное население и японские укрепления. Мы же нашли на нем, в основном, дружелюбно настроенных местных и превосходные пляжи. Да, там было немало снайперов, но не было настоящих сил обороны. Местные устроили для нас большое *луау/luau* (торжество с угощениями и танцами у полинезийцев – ВК), и парни из других подразделений позднее обвинили нас в том, что у нас там был неплохой отпуск. Это одно из мест, где я хотел бы побывать еще раз.

Я высадился на Эниветоке на второй день десанта. Остров был очищен примерно за четыре дня, но это был чертовски трудный остров. У нас не было никаких разведданных, но с нами была наша огневая мощь. Мы были лучше обучены, и нас поддерживала корабельная артиллерия. С каждой высадкой ты учишься, усиливается огневая мощь, лучше действует авиация. Все в целом работает лучше, и слава богу.

Отпуск и встреча с друзьями из Соноры

В перерывах между боями мы всегда возвращались на Гавайи, на нашу основную базу в Перл-Харборе. Мы отдыхали несколько дней, а потом опять приступали к боевой подготовке. Знаете, *Royal Hawaiian Hotel* в Гонолулу, тот, розовый, сдавал военнослужащим комнаты по 25 центов в день. Мы снимали один номер на троих, а затем «дезинфицировали» ванну, сливая в нее и смешивая все имеющиеся у нас напитки. Хорошо проводили время...

Вы не поверите, сколько парней из округа Таоламн (Tuolumne County) я встречал на Гавайях. Столкнулся в Гонолулу с Джимом Фернандесом. Семья Фернандесов была старожилом на Гавайях, но они в 1930-х переехали в Таоламн, где Джим играл в оркестре. Потом он развелся с женой и с одним из сыновей вернулся на острова перед самой войной.

Я также встретил Уорна Киги (Warne Keagy) и Рэя Миннерса (Minners). Кроме того, там оказались Ирвинг Симмонс (Irving Symons), Билл Сегерстром (Bill Segerstrom) и Дэйв Бонавиа (Dave Bonavia). Еще там был Джонни Сарделла (Johnny Sardella). Я видел, как его ранило на Тараве. Я почти уверен, что это был он. Кажется, это случилось на третий день, может, на четвертый. Я знал, в какой части он был, они продвигались рядом с нами. В одном месте нас сильно прижали огнем японцы, и он получил ранение в голову. Я был ярдах в 50-100 от него. Пуля пробила его каску... должно быть, это был он. Наверняка не скажешь, помню, что парень нес рюкзак. Просто подумал, что это мог быть Джонни. Каска слетела у него с головы, и он упал на камни.

К нам приходила газета *Union Democrat*, и, где-то через месяц после Иводзимы, я прочитал в газете, что Джонни был ранен на Тихом океане и теперь находится на отдыхе. Ну, я знал, что единственным местом, где раненые морпехи могли находиться на отдыхе, был наш пляж на Гавайях. Я увидел Дэйва Бонавиа и Рэя Миннерса и сказал им: «Вы видели газету? Если Джонни жив, он должен быть на этом острове.» Дэйв, Рэй и я отправились на тот пляж. Там мы и нашли Джонни. Встретились, посидели, поговорили.

Иногда морпехов посылали на остров Мауи (*Maui – один из островов Гавайского архипелага*) для дополнительного обучения. Находясь там, я и другие парни ходили в китайский ресторан в городке Лахайна/Lahaina. Им управлял старый китаец с семьей, и люди говорили, что у него память лучше, чем у кого-либо на этом свете. Мы этому старому китайцу понравились. Он говорил: «Приходите вечером, я для вас приготовлю это, это и это.» Мы приходили, и там оказывалась самая разная китайская еда. Он называл меня Дэнни... так меня называли на службе. Теперь посмотрите... 30 или 40 лет спустя я, Джоу и Джойс Мартин и еще много кто из Соноры приезжаем на Мауи, и я им рассказываю, что здесь во время войны жил старый китаец, не знаю, жив он или нет. Должно быть, это было лет через 40 после войны, где-то в 80-е. Идем, смотрим, а ресторан все еще там! Входим, и я слышу крик: «Дэнни!» Представьте себе такое. Он был уже очень стар, но не забыл меня...

Моя кличка

Я получил прозвище *Панни (Punny)*, когда мне было года два. Как я уже говорил, моя семья жила на территории тюрьмы, потому что мой отец был шерифом, и его семье полагалось жить в тюрьме. Как-то раз кто-то прибыл для отбывания срока, его имя начиналось на «Р», и его было очень трудно произнести. Моя мать попросила его повторить имя несколько раз, и каждый раз мой брат, который был на год старше меня, начинал смеяться. Затем он показал на меня пальцем и сказал «Панни». С той поры у меня и появилась такая кличка.

Когда я был на Тихом Океане, моя бабушка регулярно посылала мне из Окленда/Oakland посылки с печеньем и письмом о том, как идут дела дома. Из писем можно было понять, что память у нее уже не та, что была прежде. Как-то я был на Гавайях на отдыхе и дополнительном обучении между боями. Посылки не было уже недель шесть, и тут она приходит вся побитая и помятая. Адрес на ней был такой: *Моему внуку Панни, где-то на Тихом Океане, Корпус Морской Пехоты США/My Grandson Punny, Somewhere in the South Pacific, United States Marine Corps.* Можете себе представить? Эта посылка каким-то образом прошла через почтовый офис в Сан-Франциско и нашла меня на Тихом Океане. Кто-то, должно быть, слышал о моей кличке, и посылка нашла меня на Гавайях.

Сайпан (Saipan) и Тиниан (Tinian) – июнь-август 1944 г.

Силы вторжения покинули Перл-Харбор 5 июня 1944 г., за день до высадки в Нормандии. Острова Тайпан и Тиниан находятся неподалеку друг от друга и были важны для США, потому что с них могли долететь до Японии бомбардировщики B-29. Нам был нужен аэродром поблизости от Японии, а японцы не хотели, чтобы у нас был такой аэродром. Они были настроены на то, чтобы защищать Сайпан до последнего солдата, и так и случилось.

Я высаживался в первый день со второй волной. Десантные волны никогда не бывают столь четко выраженными, как это показывают в кино. Они теряют направление, и иногда пятая волна высаживается на участок, где наиболее горячо. На Сайпане дела пошли довольно неплохо по ряду причин. Одной из причин было то, что японцы сначала отправили свои самолеты на Гуам для дозаправки. Когда они вылетели в направлении Сайпана, наш флот разделился и послал группу кораблей на бомбежку всех взлетно-посадочных полос на Гуаме. В итоге японские самолеты не смогли до заправиться и были уничтожены американскими летчиками, или же, израсходовав горючее, упали в океан, потому что им некуда было садиться. Это был знаменитый *Отстрел Индеек у Мариан/Marianas Turkey Shoot*, в результате которого была почти полностью уничтожена морская авиация японцев.

Сражение за Сайпан продолжалось немногим более трех недель, но моя часть отправилась на Тиниан незадолго до того, как остров был полностью захвачен. Где-то на двадцатый день исход сражения был ясен, и мы уже могли видеть гражданских японцев, бросавшихся вниз со скальных обрывов. Думаю, они наслушались дикой пропаганды о том, как мы будем обращаться с ними, когда победим, и решили расстаться с жизнью...

Морпехи осторожно продвигаются вперед после высадки. Сайпан, 1944
<http://dmarkthomas.com/d-day-saipan/>

Итак, почему нас перебросили на Тиниан до того, как был полностью захвачен Сайпан? Мы не могли этого понять. У нас были разведданные, показывающие, что на Тиниане было не так много японцев. Там были в основном корейские рабочие. Когда мы приблизились к острову, мы увидели местных жителей, преимущественно, женщин и детей, направлявшихся к обрывам и прыгавших вниз. Захват Тиниана занял девять дней, потому что мы остановили бомбежку и обстрелы острова и просто медленно прочесали остров.

Мы остро нуждались в данных о противнике, но японские солдаты не сдавались в плен. Командование даже предложило 30-дневный отпуск тому, кто приведет живого военнопленного. Японцы появлялись в поле зрения, но взять хотя бы одного живым никак не удавалось. Нехорошо говорить, но каждый из нас предпочитал застрелить японца – так мы их ненавидели. Для нас они были муравьями – мы не считали их человеческими существами. Они вылезали из своих окопов, словно суслики и, если они считали, что им уже ничего не светило или мы были совсем близко, они поднимались и стреляли в себя... Это все та самая ненависть.

Морпехи в бою. Тиниан, 1944

<http://www.atomicheritage.org/location/tinian-island>

Помню, еще на Сайпане, я и еще один парень захватили двух пленных, что означало 30-дневный отпуск. Мы находились в роще из кокосовых пальм, и японцы появились из-за деревьев. Мы должны были оставаться там, где были, и пришлось передать японцев троим парням, чтобы те отвели их в штаб. Пленных до штаба не довели. Все та же ненависть.

После зачистки Сайпана и Тиниана до нас дошли слухи о взлетно-посадочных полосах. Мы ничего не знали об атомной бомбе, но знали о том, что главным приоритетом стала постройка аэродромов. Когда на острова пришли военно-морские строители (Seabees), по ним стали постреливать оставшиеся в живых японцы, засевшие в своих бункерах. Нам приказали вернуться и подавить эти огневые точки. Скажу вам, что, несмотря на возможную критику, наилучший способ управиться с этим – закатать эти бункера бульдозером. Мы столкнулись с тем, что даже после обработки их огнеметами, чтобы

окончательно разобраться с ними, приходилось засыпать японские бункеры бульдозерами. А что еще сделаешь?

Продвижение по службе

На Тихом океане мы быстро получали новые звания. Из-за больших потерь [среди сержантов и офицеров] и с приобретением боевого опыта скорое продвижение вверх было обеспечено. К двадцати годам я участвовал в брифингах с адмиралами и бригадными генералами. Мы были на отдыхе на Гавайях, когда некоторым из нас сказали, что нам предстоит принять участие в беседе с адмиралом Нимитцем и некоторыми другими [старшими офицерами] о том, с чем мы видели и какими были бои против японцев. Я, было подумал: я что, если я скажу им что-то не то? Это может стоить мне карьеры. Я сильно нервничал, пока один полковник не отвел меня и моего приятеля в сторону и не сказал: «Вы двое знаете о десантных операциях больше, чем кто-либо в этом кабинете. Не волнуйтесь.» Скажу вам, что мы вздохнули с облегчением, и, в итоге, все прошло отлично. Они знали, что мы побывали на войне, что у нас был непосредственный боевой опыт – то, что им нужно было узнать.

На Сайпане, непосредственно перед отправкой на Тиниан, я получил полевое офицерское звание [*battlefield promotion*]. Я стал 2-м лейтенантом и оставался офицером до конца войны.

Иводзима (февраль-март 1945)

Моя часть вступил в сражение за Иводзиму, которое продолжалось 35 дней, на второе утро боев. Огонь корабельной артиллерии теперь был в 10 раз интенсивнее, чем на Тараве. Стало больше кораблей и самолетов, многие пришли с Атлантики после высадки в Нормандии. Но бои за Иводзиму стали испытанием. Остров сложен лавой и скальными породами, и японцы зарылись в туннели. Иногда мы не могли продвинуться на десять футов за 5 дней. Нас поддерживали корабли, наши самолеты поливали огнем японские ДОТы, мы пытались двинуться вперед, но японцы продолжали стрелять... Знаете, огонь из стрелкового оружия убил всего около 10% японцев. Если они выбегали [из укрытий] и шли в атаку, вы могли застрелить кого-то из них, но, большую часть времени, они прятались в тоннелях, бункерах или за камнями. Снаряды, гранаты, осколки и шрапнель убили большую часть из них. Если в твою сторону бежало пятеро или шестеро японцев, граната была единственным подходящим оружием. Осколки и шрапнель роились вокруг нас постоянно. Мы сами выковыривали крохотные куски металла из-под кожи...

Ночью мы отходили к пляжам, чтобы пополнить свои припасы и получить подкрепления. Японцы часто контратаковали ночью, поэтому нам приходилось быть начеку. Как-то ночью на Иводзиме я вернулся на пляж, чтобы встретить подкрепление. На этой стадии войны все они были молодыми пацанами. Среди них был паренек по Нолан Хэррис из Соноры. Он был на три или четыре года моложе меня. Паренек крикнул, что хочет идти со мной, в мою часть. В тот момент мы были в самой трудной точке на острове, и не могли продвинуться вперед. Я сказал: «Нолан, ты хочешь остаться здесь. Ты туда не хочешь.» Потом добавил: «Мы сейчас в самой чертовски горячей точке.» Но... на следующий день он был убит. Я до сих чувствую тяжесть от того, что произошло с ним.

Огнетметный танк поливает огнем японский бункер. Иводзима, 1945
<http://ww2today.com/17-march-1945-kuribayashi-prepares-to-meet-his-end-on-iwo-jima>

Все знают, что гора Сурибати была господствующей высотой на Иводземе и что бой за нее был долгим и кровопролитным, потому что японцы закрепились там очень неплохо. Большая часть укреплений была обращена в сторону вероятного десанта, поскольку они не верили, что кто-то сможет обойти гору и преодолеть расположенные на противоположной стороне крутые обрывы. Но морпехи сделали это. Моя часть была примерно в четверти мили от вершины, когда над ней поднялся наш флаг – вы не можете себе представить, как это подняло наш боевой дух. Было еще далеко до конца сражения, но господствующая высота была у нас в руках...

Я думаю о трех из пяти парней, которые первыми подняли флаг – они погибли до того, как окончилось сражение. В первый день это был небольшой флаг, но этого парня, Розенталя (Joseph (Joe) John Rosenthal - 1911 – 2006) военного репортера, не было там тогда, когда подняли первый флаг. На следующий день они сделали это еще раз, и подняли флаг побольше. Думаю, один парень-навахо, который служил в нашей части, был родственником того [индейца], который участвовал в подъеме флага. Фотография, сделанная на второй день и стала той, которая попала в прессу, и, я думаю, она помогла продать больше военных облигаций (war bonds), чем что-либо другое.

Когда меня спрашивают, как я сумел вернуться целым с Иводзимы, я говорю: «На корабле, направлявшемся на Гавайи.» (*Игра слов: did you get off Iwo Jima – можно интерпретировать «как ты уцелел» и «как ты уехал оттуда» - ВК*). Очень многие, сражавшиеся по обе стороны, остались на этом острове...

Шифровальщики из племени Навахо

Японцы были не менее образованными людьми, чем любой другой народ. Они знали английский и вообще чуть ли не все остальные языки на свете. Пришлось потрудиться над тем, чтобы обмануть их. Мы постоянно работали над взломом их шифров, они – над взломом наших. Мы побили, используя парней-навахо. У этого племени был язык, который нигде и никогда не имел письменных форм. Почти в каждом батальоне был парень-навахо. Когда где-то нужно было сконцентрировать огонь и куда-то передать по радио секретные данные, парень-навахо делал это на своем языке. Японцы так никогда и не взломали этот код.

Но скажу вам вот-что, этот вариант шифровки данных стал причиной грандиозного провала во время сражения за Иводзиму. Огонь японцев прижал нас к земле. Мы вызвали командный пункт и попросили поддержки, но тут вражеский огонь разнес его. Вызываем другой командный пункт – и этот пункт замолчал. Мы узнали, что произошло, только через три дня. Некоторые подразделения боевых кораблей, пришедшие с Атлантики, не знали ничего о языке навахо, поэтому, услышав сообщения на этом языке, исходящие с наших командных пунктов, они решили, что это – японский язык, и накрыли огнем эти командные пункты. В итоге, мы были счастливы, когда эту проблему с моряками утрясли...

Обучение и развлечения

Очень многие из тех, с кем я сражался бок о бок, не вернулись домой. Думаю, если посмотреть на первое подразделение, в котором я оказался, окажется, что 80% из него попало в разряд убитых и раненых. Так, вероятно, и должно было случиться. Стратегия морского десанта заключается в том, чтобы на берегу оказалось как можно больше людей. Некоторым это удается... Почему мне это удалось? Почему я пережил войну? Уверен, для этого было множество причин, но, скажу я вам, две из них определили это: боевая подготовка и чувство юмора. Первое я заучил еще дома и уже в морской пехоте – учись, быть готов [к бою]. Практика. Знай, что можно ожидать. В нас это вколотили. Неважно, футбол это или работа. В морской пехоте мы учились и готовились, и мы знали, что нас ждет и что делать, когда случается то, что ты ждешь и то, чего ты не ждешь. Так меня учили, и, когда я стал 2-м лейтенантом, я так же учил морпехов, за которых отвечал. Нет ничего лучше, чем обучение. Мы хотели быть готовыми ко всему и хотели быть лучшими. Если предполагалось, что мы будем тренироваться с 30-фунтовым рюкзаком за плечами, на набивали в него все 40 фунтов, чтобы быть готовыми к самому трудному.

Но нужно и поразвлечься. Должно оставаться место для веселья. Я видел многих ребят, которые слетали с катушек. Случались и самоубийства. Я могу вам сказать, что мы возвращались из многих боев, и среди нас были ребята... было видно, что они уже на грани. Поэтому мы всегда старались немного поразвлечься. Забавлялись, подшучивали друг над другом, старались, чтобы все получали этого удовольствие. На позднем этапе войны я и мой приятель обучали морпехов и иногда включали свет в три часа ночи, чтобы все встали и построились. Морпехи видели свет, но не знали, который час. Они видели, что мы одеты, поэтому они вставали и одевались. Они видели, что мы вешаем на себя рюкзаки, и они вешали на себя рюкзаки. Потом они видели, как мы раздеваемся и ложимся спать. Так, просто небольшие приколы, чтобы парни могли расслабиться. Надо ведь и поразвлечься иногда...

Окинава (лето1945)

Я не участвовал в сражении за Окинаву. После боев мы высадились там для подготовки к вторжению в Японию. Не могу сказать наверняка, но у нас был доступ к кое-какой секретной информации с довольно высокого уровня. Мы ознакомились с общим планом. В Корпус Морской Пехоты тогда входило шесть дивизий, и мы узнали, что эти шесть дивизий должны высадиться в определенном месте на Японских островах. Эти дивизии были обозначены как РАСХОДНЫЙ МАТЕРИАЛ (EXPENDABLE). Из этой кампании никто бы не вернулся...

То есть, когда мне говорят эту херню про атомную бомбу или интернирование японцев, я не хочу это слышать. Атомная бомба спасла наши жизни. Мы знали из карт, что командование собиралось списать морскую пехоту в расход, чтобы создать плацдарм, и, возможно, так и случилось бы, если бы не атомная бомба. Нам с того берега обратной дороги не было, мы это знали...

Возвращение домой

После атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки мы были готовы к возвращению. Была разработана специальная система зачетных баллов – за высадки и бои начислялись баллы, которые давали возможность быстро отправиться домой. Парни из моей части – 5-го Десантного Корпуса, имели больше баллов, чем кто-то другой, потому что мы участвовали во всех десантах. Некоторые из нас оказались в списке первыми. Этот список, в итоге, так никогда толком и не использовался, но нас отправили домой первыми.

Добравшись до Сан Диего, я очень хотел побыстрее попасть в Сонору и начал искать возможности для этого. В одном баре я столкнулся с Пэппи Бойингтоном (*Pappy Boyington* – 1912-1988 – американский воздушный ас, известный своим пристрастием к алкоголю - ВК). Знаете, большая часть асов любит выпить, и это парень был именно таким. Он сказал, что должен перебросить пикировщик *Dauntless/Донтлесс* на базу Аламеда и что я могу подсесть к нему в самолет. В самолете было два сидения. Только поднялись в воздух и направились в Лос-Анжелес, как заметили вдали дым от лесного пожара. Бойингтон и говорит: «Давай подлетим и посмотрим.» Он опустил самолет так низко, что я почувствовал жар от пламени. Ну, ребята, скажу я вам, те парни летать умели. Затем мы приблизились к заливу, и он сказал: «Всегда хотел пролететь под мостом *Золотые Ворота (Gold Gate)*. И он пошел на снижение! Выяснилось, что там проходили какие-то суда, и это вынудило его передумать. Мы полетели дальше и приземлились на военно-морском аэродроме Аламеда.

Мой отец подъехал, чтобы подхватить меня около полуночи. Когда я сел в машину, он сказал мне, что я должен буду пойти и увидеть семью Сарделла и передать, что Джонни жив, и что это нужно сделать сразу же, в 6 утра завтра. Видите ли, миссис Сарделла передали, что Джонни тяжело ранен, но она не верила в то, что он жив. «Она должна услышать о том, что он жив, от того, кто знал его раньше, тогда она поверит в это. Первым делом утром мы должны пойти к ним. Она нальет тебе вина. Хоть это и будет рано утром, ты все равно выпей,» - сказал мне отец. Знаете, мой отец любил бурбон, но терпеть не мог вина, поэтому сама мысль о том, чтобы пить вино с утра была для него почти невыносимой. «Мы должны это сделать для миссис Сарделла,» - добавил отец.

Что ж, мы встали рано утром и отправились к миссис Сарделла. Увидев меня, она разрыдалась. Затем она сказала со своим итальянским акцентом: «Панни, Джонни жив?» - Я ответил: «Да.» Я никогда в жизни ни у кого не видел выражения подобного тому, что появилось на ее лице. Это было такое облегчение. Она взяла мое лицо в свои руки и стала говорить: «Мой Джонни, мой Джонни, мой Джонни...» Она знала, что раз я был там и раз говорю, что все в порядке, значит это правда. Она принесла вино и налила мне большой стакан. У отца Джонни нашелся бурбон для моего отца, и мы все выпили. Я был дома, и

довольно скоро мой друг из Соноры, друг, который прошел через то, что прошел я, тоже придет домой...

Сражение за Сайпан еще не закончилось, и погибших морпехов хоронят в море
<https://au.pinterest.com/skibby456/simper-fidelis-last-rite/?lp=true>

<http://memoircenter.com/milton-punny-dambacher-5th-marine-amphibious-corps/>

Рассказ записал Chace Anderson

Перевод – Владимир Крупник